

Когда все собрались, менеджер клуба велел принести напитки.

Чжо Чжисюань взял один стакан и протянул Тань Юмину:

— Заказал для тебя.

— Что это?

— Холодный чай с лимоном. Ты же его любишь. — Раньше Тань Юмин каждый день приносил его на уроки по регби. Чжо Чжисюань протянул ему соломинку: — Держи. Остуди свой пыл.

Тань Юмин усмехнулся и оттолкнул стакан:

— Давно уже не пью эту дрянь.

Кадык Шэнь Цзунняня дрогнул. Опустив глаза, он сделал глоток ледяной воды из своего стакана.

Допив, они отправились переодеваться в форму для стрельбы. Цинь Чжаотин выделил им одну большую раздевалку на двоих. Цзян Ин и Чжо Чжисюань переглянулись и молча пошли следом.

Боялись, что те подерутся.

Тань Юмин не стал ставить друзей в неловкое положение. Он не просил другую раздевалку, а просто натянул форму и собрался уходить.

Надевая защитные очки, Шэнь Цзуннянь напомнил ему:

— У тебя воротник не поправлен.

Тань Юмин сделал вид, что не слышит. Не удостоив его и взглядом, он развернулся и ушел.

Шэнь Цзуннянь поджал губы. Он подошел к стойке, выбрал «Пустынного орла», проверил вес в руке и передернул затвор. Калибр .50АЕ, безупречная сборка. Было видно, что Цинь Чжаотин по-настоящему увлекался этим делом и вложил в него немало сил.

— Все собрались? Помогите-ка протестировать новый сценарий, — Цинь Чжаотин подозвал компанию молодых людей.

— Что это? — спросил Чжо Чжисюань.

Цинь Чжаотин открыл панель управления и с гордостью, но весьма серьезно объявил:

— Новый режим клуба. Командные бои на очки.

— Сегодня вы будете играть на новом оборудовании. Жду от вас отзывов. — Учитывая его статус, проводить обычные опросы не было смысла. Никто бы не осмелился сказать правду. Обычные мажоры лишь льстили бы и заискивали, от чего Цинь Чжаотину было тошно. А сегодня ему повезло собрать целую команду тех, кто действительно разбирается в оружии.

— Давайте, жмите, — он запустил на огромном экране режим распределения по командам.

У Тань Юмина на примете уже были свои товарищи по команде. Он нахмурился:

— Зачем жребий тянуть? Давайте просто разобьемся сами.

Но сегодня Цинь Чжаотин не собирался ему потакать:

— Думаете, я вас сюда развлекаться позвал? Мне нужно проверить случайность алгоритма системы. Так что поторапливайтесь, господа. Кто первый?

Молодой господин задрал подбородок и благородно уступил очередь:

— А-Сюань, давай ты.

Чжо Чжисюань прекрасно понял, к чему он клонит. Скрепя сердце, он нажал кнопку и попал в команду к Шэнь Цзунняню и Цзян Ину.

Тань Юмин автоматически оказался в команде Чэнь Ваня и Чжао Шэнгэ. Получив желаемое, он снова повеселел. Выбрав себе «Браунинг», он поприветствовал товарищей по команде:

— Привет, мы вместе.

— ... — Чжао Шэнгэ бросил взгляд на Шэнь Цзунняня.

И только Чэнь Вань легонько ткнул его дулом своей «Беретты» и с улыбкой сказал:

— Удачи.

Цинь Чжаотин оглядел обе команды. Чжао Шэнгэ, Чэнь Вань, Тань Юмин — три равных по силе мастера. С другой стороны: Шэнь Цзуннянь, Цзян Ин и Чжо Чжисюань — два снайпера от бога и один новичок. Дело дрянь.

Цинь Чжаотин выступал в роли судьи. Он следил за реакцией системы и искал уязвимости в симуляции. Закинув длинные ноги на высокий помост, он скомандовал:

— Ладно, начали.

Шестеро молодых мужчин одновременно опустили защитные очки и вскинули оружие.

В фотоэлектрической стрельбе использовалось десять мишеней. Диски-мишени хаотично перемещались, но самим стрелкам двигаться запрещалось. Им разрешалось вести огонь в разные стороны, находясь лишь в рамках своего небольшого квадрата. Очки начислялись за попадание в кольца мишеней.

Командный бой проверял не только меткость, но и слаженность. В воздухе мельтешили красные и фиолетовые лазерные лучи.

«Беретта» Чэнь Ваня была легкой и маневренной. Он целился в ближние мелкие мишени и за 0,7 секунды выбил две десятки, первым открыв счет.

Рука Шэнь Цзунняня была твердой и точной. У него была отличная подготовка. Его выстрелы были холодными, безошибочными и неуловимыми. Дождавшись, пока две дальние большие мишени сойдутся в одну точку, он в долю секунды выпустил красный лазерный луч. Выстрел прошил оба наложившихся друг на друга яблочка. Вероятность один к десяти тысячам, но в его исполнении это стало двойным стопроцентным попаданием.

Счет сравнялся.

Мишени хаотично сновали туда-сюда: то ускоряясь, то замедляясь, то увеличиваясь, то уменьшаясь в размерах. Тань Юмину некуда было выплеснуть гнев. Он наставил пистолет на противоположную сторону и сделал несколько выстрелов: «Бам! Бам!». Перепуганный Чжо Чжисюань заметался из стороны в сторону.

Стиль стрельбы Тань Юмина был броским, изобилующим пижонскими приемами — он выработал свою собственную технику. А учитель, который ставил ему руку, стоял прямо напротив него.

Каждое поднятие оружия, каждое передергивание затвора, каждое прицеливание заставляли его вспоминать тепло чужих рук, их прикосновения. И даже тот строгий, поучающий тон:

«Плечи ровно, взгляд прямой».

«Не дергайся».

«Смотри внимательно».

«Жми указательным пальцем».

«Огонь!»

«Бам!»

Снег на стрельбище Фэрбек пошел снова.

Гнев в сердце вспыхнул с новой силой. Противник досконально знал каждую его привычку, предвосхищал каждое его действие. Тань Юмин не мог спрятаться от воспоминаний, как не мог скрыться и в реальности. Как бы он ни пытался вырваться, как бы ни старался отрезать прошлое, он не мог отрицать: на нём чётко и ясно отпечатались опыт, наставления и следы этого человека.

Но в то же время он был вынужден ясно осознавать: тот, кто стоял напротив, больше не был тем прежним человеком. Он больше не был его знакомым Шэнь Цзуннянем.

На секунду их взгляды пересеклись сквозь защитные стекла очков. В ушах Тань Юмина зазвенело, пальцы слегка задрожали. Он с почти болезненной грустью понял: если он хочет избавиться от отпечатка Шэнь Цзунняня, ему придется забыть и все свои навыки, и даже собственные инстинкты.

Шэнь Цзуннянь ушел, а он теперь даже не мог быть самим собой.

Какого чёрта?

Чем больше он концентрировался, тем сложнее было прицелиться. Пальцы, глаза, даже само сознание отказывались ему подчиняться. Тань Юмин разозлился еще сильнее. Плотнo сжав губы, он заставил себя снова поднять пистолет и нацелить его прямо на того, кто научил его всему этому.

В мгновение ока звуки выстрелов слились в рев бушующих волн. Порохового дыма не было, но шум стоял такой, что, казалось, вот-вот рухнет потолок. Находясь в самом эпицентре бури, Цинь Чжаотин и глазом не моргнул.

«Десятка».

«Десятка...»

«Десятка...»

«Десятка».

Электронный женский голос непрерывно разносился по просторному залу. Счет шел очко в очко.

Чэнь Вань сменил тактику, решив разделить задачи. Опираясь на свои мысленные расчеты вероятностей, он взял на себя дальние мишени, которых было меньше. На западе и севере целей было больше — их предстояло выбивать Чжао Шэнгэ и Тань Юмину.

Вот только слаженности у друзей детства было маловато. Когда Тань Юмин в очередной раз перехватил мишень, Чжао Шэнгэ нахмурился:

— Ты вообще стрелять умеешь?

Тань Юмину как раз некуда было девать злость:

— А ты, блядь, сам стреляешь как дерьмо!

Чжао Шэнгэ: ...

Капитан Чэнь Вань, выбрав момент, обернулся и поспешил сгладить углы:

— Ничего страшного. Просто скоординируйте атаки.

Шэнь Цзуннянь воспользовался брешью в их рядах из-за внутренних распрей. Его красные лазерные пули безжалостно, одна за другой, выбивали десятки. Чэнь Вань отчаянно отстреливался. Чжао Шэнгэ и Тань Юмин наконец объединились против общего врага.

Шэнь Цзуннянь развивал успех. Малейшая оплошность противника — и его пули, подобно волчьим клыкам, вгрызались в добычу, не отпуская до самой смерти. Этому его научили десять лет жизни в тени и два года изгнания. Это был его закон выживания с самого детства.

Цинь Чжаотин стоял на высоком помосте со скрещенными на груди руками. Заметив что-то интересное, он увеличил на экране траектории полета пуль.

Он включил в системе обратный отсчет. Разрыв в счете становился всё минимальнее.

Новых подвижных мишеней на стенах появлялось всё меньше. Битва за дальние и западные цели подходила к концу. Первыми опустили оружие Чэнь Вань и Чжо Чжисюань, затем Чжао Шэнгэ, а за ним Цзян Ин.

В последние пять секунд мишени остались лишь в зоне поражения Шэнь Цзунняня и Тань Юмина. Тот, кто сможет поразить их все, принесет победу своей команде.

Подгоняемые обратным отсчетом, оба одновременно направили стволы в сторону друг друга.

«Пять».

Словно выплескивая гнев, Тань Юмин первым выстрелил — по пуле слева и справа от Шэнь Цзунняня.

«Четыре».

Как ни странно, Шэнь Цзуннянь почувствовал радость и облегчение.

«Три».

Черные глаза Тань Юмина за стеклами очков пылали злобой и ненавистью. Его взгляд обжигал сильнее раскаленного «Браунинга». Рука, сжимающая рукоять, слегка подрагивала, но прицел был абсолютно точен.

«Два».

Плотно сжав губы, Шэнь Цзуннянь стоял не шелохнувшись. Он подавлял укоренившийся с детства инстинкт — открывать ответный огонь при звуке выстрелов, позволяя Тань Юмину выплеснуть всё до конца.

Новая система Цинь Чжаотина, возможно, и впрямь была не слишком умной. В самую последнюю секунду с обеих сторон вдруг поднялись новые подвижные мишени. Одна появилась прямо над переносицей Тань Юмина, другая — слева от сердца Шэнь Цзунняня.

Тань Юмин и Шэнь Цзуннянь одновременно передернули затворы.

«Бам!»

Оглушительный грохот слился воедино. В невидимом пороховом дыму и «Пустынный орёл», и «Браунинг» промазали.

В просторном зале монотонно зазвучал женский голос: «Тройка», «Четверка», «Тройка», «Четверка».

Выходит, ненависть «Браунинга» оказалась сильнее — он выбил на одно очко меньше. Это Тань Юмин ненавидел сильнее, поэтому потерпел сокрушительное поражение.

Красные пули казались реальными. Попав прямо в лоб Тань Юмину, они разорвались внутри, вызвав резкую головную боль и покраснение глаз. В ушах звенело. В этой схватке без порохового дыма он оказался стертым в порошок.

Тань Юмин не снимал защитные очки. Он простоял в оцепенении добрых полминуты, прежде чем пришел в себя и извинился перед товарищами по команде:

— Виноват, моя ошибка.

Чжао Шэнгэ, для которого главной целью в любой игре всегда была победа, на удивление проявил понимание:

— Ничего. Ты всё равно тут не единственный предатель.

— ...

Второй предатель, допустивший грубейшую ошибку, снял очки. Тряхнув волосами, он посмотрел на огромный экран с результатами. Но на его лице не было и тени радости от победы.

Ни победитель, ни проигравший не чувствовали себя счастливыми. Оба остались в проигрыше.

Цинь Чжаотин подошел поближе и включил на панели управления повтор траектории выстрелов.

— Что такое, молодой господин? Выстрел предателя оказался... — он с усмешкой поддразнил Тань Юмина и специально увеличил две перекрещивающиеся траектории лазерных пуль: — Ученик превзошел учителя!

Все знали, что стрельбе Тань Юмина чуть ли не с нуля учил Шэнь Цзуннянь. И хотя официальным наставником был Тань Чуншань, Тань Юмин терпеть не мог дисциплину. Его запала хватало ровно на три минуты. Поэтому базовые навыки он отрабатывал под строгим присмотром Шэнь Цзунняня.

Даже свой первый пистолет Тань Юмин получил от Шэнь Цзунняня. Это было во время коротких сборов в летнем лагере за границей. Тань Чуншань посчитал, что сын еще не

набрался мастерства и не заслуживает хорошего оружия. Тогда Шэнь Цзуннянь сам спроектировал и модифицировал для него пистолет по индивидуальному заказу. Тань Юмин целыми днями хвастался перед ними. Чжо Чжисюань и остальные смотреть на это не могли. А сегодня всё обернулось против своих же.

Цинь Чжаотин перемотал запись:

— А вот этот выстрел: он не ушел в молоко, но изменил траекторию, поэтому очки не засчитали, — он был явно доволен. — Видимо, не зря я обновил систему. Она подмечает малейшие детали.

Система могла распознать, кто жаждет победы и бьется всерьез, а кто телом здесь, а душой на стороне противника.

Насладившись моментом, Цинь Чжаотин цокнул языком:

— Но почему ты в последний момент изменил траекторию? Стрела уже была на тетиве, а ты потянул её назад. — С каждым словом он всё больше входил во вкус. — Один, два, три... — Цинь Чжаотин указывал на записанные данные. Доказательства были неоспоримы. — Целых восемнадцать выстрелов.

Каждый выстрел был доказательством его мягкотелости и слабости. Лицо Тань Юмина помрачнело до предела.

Полный гнева и ненависти, но с дрогнувшим сердцем. Готовый убить, но оставивший шанс на спасение. Тань Юмин злился на свой недостаточно жестокий «Браунинг», но еще больше ненавидел себя за слабохарактерность.

Пользуясь правами хозяина, Цинь Чжаотин сначала прошелся против шерсти молодого господина Таня, а затем разоблачил и свирепого демона:

— А вот «Пустынный орел». Высший балл за одиночный выстрел, но при этом намеренные промахи.

Очки, которые нужно было взять, но не взяли, вычитались из счета команды и прибавлялись противнику.

Цинь Чжаотин обратился к Шэнь Цзунняню:

— Ты тоже предатель?

Предатели предают слишком многое: глубокую преданность, дружбу, даже собственные

принципы. С холодным лицом и еще более ледяным сердцем Шэнь Цзуннянь нажал на курок:

— Хочешь проверить?

<http://bllate.org/book/17117/1614118>